

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Ю.Г. Коргунок

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Фонд «Информатика для демократии»*

Аннотация: *Статья анализирует с точки зрения концепции размежеваний итоги выборов в региональные собрания по партийным спискам (2012–2014). Отмечается, что увеличение в результате партийной реформы числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно — рост количества электоральных размежеваний. С этой точки зрения региональные выборы 2012–2014 гг. расцениваются как опытное поле для обкатки новых подходов к обеспечению нужных для Кремля результатов. Известное повышение уровня политической конкуренции в ряде регионов интерпретируется как следствие не столько допуска к выборам новых участников, сколько ослабления нажима на зависимых от государства избирателей. Отмечается также, что обозначившаяся в 2014 г. тенденция ужесточения требований к участникам выборов сразу же привела к уменьшению числа как электоральных, так и (особенно) политических размежеваний.*

Ключевые слова: *концепция размежеваний, политические партии, электоральные размежевания, политические размежевания, выборы в региональные собрания.*

«Партийная реформа» 2012–13 гг. была своего рода реакцией властей на падение рейтинга «Единой России» и рост протестных настроений в российском обществе.

Ее целью было сохранение монополии «партии власти» в legislatures всех уровней, но уже новыми методами. Прежде Кремль, если использовать экономическую терминологию, делал ставку на консолидацию пакета акций, но когда тот начал «размываться», сменил тактику и сконцентрировал усилия не на том, чтобы добиться для «Единой России» большинства голосов избирателей, а на том, чтобы не дать другим игрокам укрепить позиции. С этой целью политический рынок был насыщен массой новых участников, чьим назначением было отнимать голоса не столько у «партии власти», сколько у оппозиции. При такой тактике для успеха достаточно обеспечить фавориту весьма условное большинство. Недаром в фирмах с множеством акционеров контрольным считается пакет в 20, а то и 15 %.

Предпринятые меры очевидным образом отразились на расстановке партийно-политических сил по итогам региональных выборов 2012–14 гг., причем наряду с более-менее очевидными изменениями следует отметить также пласт явлений, не заметных невооруженному

глазу, но ничуть не менее важных для понимания взаимозависимости политики и состояния общества. В первую очередь это относится к структуре электоральных размежеваний.

Речь идет не о формуле Липсета–Роккана, использующейся для объяснения долгосрочных связей между определенными сегментами электората и политическими партиями, а о методике микроанализа, базирующейся на количественных методах. В основу этой методики положено понимание размежевания как некоего базового принципа политического действия. Размежевание появляется везде, где перед субъектами политики возникает выбор (а именно в этом и состоит суть электоральных процедур). Множество субъектов политики — избирателей, — совершая свой выбор, формируют тем самым сложную систему размежеваний, разобраться в которой позволяют математические методы — прежде всего корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

В зарубежной и отечественной политической науке имеется немалый опыт использования концепции размежеваний для интерпретации итогов выборов [Ахременко 2007; Коргунюк 2010; Коргунюк 2013; Коргунюк 2014; Chugrov, 1997; Korgunyuk 2014; Slider, Gimpelson, Chugrov 1994; Zarycki 1999; Zarycki 2002; Zarycki, Nowak 2000], но предметом изучения выступали, как правило, общенациональные выборы, территориальные различия в результатах которых анализировались на уровне наиболее крупных единиц — субъектов Федерации в России или воеводств в Польше. Если же опуститься на уровень ниже, на котором в роли случаев (cases) будут выступать муниципальные образования (городские округа и муниципальные районы), то это потребует внесения в методику определенных изменений.

Исследовательская методика (универсальная)

Первые три шага исследовательской процедуры являются общими для выборов любого уровня. Четвертый шаг касается изучения результатов выборов — как федеральных, так и региональных — на уровне субъектов Федерации, пятый — выборов исключительно внутри-регионального уровня¹.

Первый шаг заключается в определении структуры электоральных размежеваний. Для этого результаты выборов по пропорциональной системе переводятся из абсолютных цифр в проценты и подвергаются факторному анализу. Выявленные таким образом латентные факторы трактуются как электоральные размежевания. Приведем для примера результаты факторного анализа итогов думских выборов 2011 г. (табл. 1).

Таблица 1.

	Недейств. бюллетени	Справ. Россия	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	Единая Россия	Правое дело	<i>Expl. var</i>	<i>Prp. total (%)</i>
Фактор 1	-0,75	-0,82	-0,82	-0,8	-0,67	-0,64	0,97	-0,64	4,75	59,35
Фактор 2	0,16	0,13	-0,31	-0,12	-0,57	0,45	0,16	0,58	1,04	13,03

Первый фактор здесь — размежевание между «Единой Россией», с одной стороны, и всеми остальными участниками выборов, с другой; второй — между «Правым делом» и «Яблоком», с одной стороны, и КПРФ (отчасти ЛДПР), с другой. Большинство экспертов сразу скажет, что первое размежевание следует трактовать как противостояние власти и «невласти» (или «общественности», т. е. слоя политически активных, образованных людей, отнесенных от принятия политических решений), а второе — как расхождения между сторонниками европейского и «самобытного» путей развития страны.

¹ Во всех случаях речь идет о выборах по пропорциональной системе, т. е. по партийным спискам.

Но чтобы доказать это, необходимо сопоставить электоральные размежевания с размежеваниями политическими. Выявление последних — содержание второго шага исследовательской процедуры. С этой целью проводится анализ агитационной продукции партий в период рассматриваемой избирательной кампании и выделяются те вопросы, которые не могут быть обойдены вниманием ни одним из более-менее крупных участников. Позиция каждого из них оценивается по шкале диапазоном от -5 до $+5$ (если кто-то проигнорировал проблему, ему выставляется либо «ноль», либо оценка, вытекающая из позиции по одному из смежных вопросов, но с понижающим коэффициентом), после чего полученные данные также подвергаются факторному анализу.

Результаты анализа применительно к думской кампании 2011 г. показывают, что политическое пространство России этого периода (и не только этого, но об этом позже) формировалось тремя основными размежеваниями (табл. 2).

Таблица 2.

	Справ. Россия	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	Единая Россия	Правое дело	<i>Expl.var</i>	<i>Prp.total</i> (%)
Фактор 1	-0,58	-0,48	-0,80	-0,90	0,26	0,22	0,64	2,56	36,52
Фактор 2	0,53	0,36	0,13	-0,06	0,85	0,19	0,63	1,67	23,80
Фактор 3	-0,17	-0,06	0,28	0,08	-0,17	0,93	0	1,01	14,48

По первому из них наибольшие факторные значения (factor scores) — с положительным либо отрицательным знаком — получили такие темы, как «введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь», «бесплатность образования и медицинского обслуживания», «направление средств резервных фондов на бюджетные расходы», «повышение пенсионного возраста». Исходя из того, что главными участниками размежевания являлись КПРФ, «Патриоты России» и «Справедливая Россия», с одной стороны, и «Правое дело», с другой, можно сделать вывод, что мы имеем дело с размежеванием социально-экономического характера — между эгалитаристами-патерналистами и либералами-рыночниками.

Во втором размежевании четко обозначился только один полюс, представленный «Яблоком», «Правым делом» и «Справедливой Россией», факторные значения «Единой России», КПРФ и «Патриотов России» колеблются около нулевой отметки. Интерпретация этого измерения оказалась самой трудной. Судя по кругу тем с наибольшими факторными значениями — «ратификация ст. 20 Международной конвенции по борьбе с коррупцией», «отмена мигалок», «восстановление реальных выборов, расширение политической конкуренции», «степень оппозиционности (самооценка)», «отмена частной собственности на землю», «отношение к советскому прошлому», «возвращение смертной казни», — в данном случае имеет место некое системное размежевание, точнее, размежевание, формирующееся вокруг некоего системного противоречия. В первых четырех вопросах, отмеченных наивысшими отрицательными значениями, «Единая Россия» противостоит всем остальным участникам выборов, тогда как в последних трех, с наибольшими положительными значениями, в аналогичном положении оказались КПРФ и «Патриоты России». Главные антагонисты, таким образом, — «единороссы», с одной стороны, и «советские традиционалисты», с другой. Причем первые противостоят всем остальным в тактических вопросах, вторые — в стратегических, в целом же в этих противостояниях отражается суть системного противоречия как такового.

Наконец, третье размежевание, судя по уникально высокой факторной нагрузке «Единой России» и содержанию некоторых тем («отношение к Путину», «отмена мигалок», «освобождение Ходорковского», «отказ от призыва и переход к контрактной армии», «нарушение властью избирательного законодательства», «определение созданного в стране режима как авторитарного»), определяется отношением к сохранению монопольного положения

«партии власти» в политической системе страны. В более широком плане данное размежевание можно трактовать как противостояние по линии «авторитаризм–демократия», т. е. как разновидность консервативно-либерального размежевания. Вместе с тем его можно рассматривать и как противостояние сторонников и противников существующего режима, т. е. власти и оппозиции: ведь в системе, в которой доминирующее положение «партии власти» обеспечивается в основном административными методами, оппозиция всегда будет стремиться к расширению пространства политической конкуренции.

Полученные результаты нетрудно сопоставить с факторными нагрузками электоральных размежеваний. Для этого достаточно провести простой корреляционный анализ, который обнаруживает сильную связь первого электорального размежевания с третьим политическим, а второго электорального — с первым и вторым политическими (табл. 3).

Таблица 3.

	1-е политическое размежевание	2-е политическое размежевание	3-е политическое размежевание
<i>1-е электоральное размежевание</i>	0,469	0,393	0,886
<i>2-е электоральное размежевание</i>	0,853	-0,764	0,071

Таким образом, предположение, что первое электоральное размежевание отражает противостояние сторонников и противников существующего в России политического режима (власти и «общественности»), а второе — противостояние сторонников «самобытного» (эгалитаристски-патерналистского) и «европейского» (либерально-рыночного) путей развития страны, получает эмпирическое подтверждение. Причем выясняются некоторые дополнительные детали, а именно то, что второе электоральное размежевание связано сразу с двумя политическими: социально-экономическим (между эгалитаристами-патерналистами и либералами-рыночниками) и системным, касающимся в том числе выбора пути развития страны — «европейского» либо «самобытного».

В любом случае можно считать доказанным, что у выявленных думскими выборами 2011 г. электоральных размежеваний имеется вполне конкретное политическое содержание. Кроме того, у этих размежеваний есть еще один аспект: они связаны не только с политическим сознанием, но и с социальным бытием. Связи второго рода можно выявить сравнивая факторные значения (factor scores) каждого из регионов, выступающих в роли случаев (cases), с зафиксированными статистикой социально-экономическими и демографическими показателями соответствующих территорий. Корреляционный анализ позволяет выявить значимые связи между факторными переменными обоих электоральных размежеваний и какими-либо из этих показателей, а пошаговая линейная регрессия — определить иерархию предикторов по степени влияния на зависимую переменную².

Таблица 4.

	Стратифицирующий фактор ³	Доля объясненной дисперсии (%)
1	Уровень урбанизации	45,99
2	Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т. п.)	15,30
3	Степень развитости социальной сферы	9,34
4	Уровень доходов населения	4,65
5	Уровень потребления	4,04

² Опыт подобных исследований см.: Slider, Gimpelson and Chugrov 1994; Zarycki 1999; Zarycki 2002; Zarycki and Nowak 2000; Ахременко 2007; Коргунюк 2014; Korgunyuk 2014; Коргунюк 2014.

³ Разумеется, интерпретация всех этих факторов носит достаточно условный характер, причем чем меньшую долю вариации объясняет тот или иной фактор, тем выше степень условности. Для наименее значимых факторов она приближается к уровню простой догадки.

6	Уровень развития частного сектора	3,68
7	Уровень социального благополучия (преступность, возможность трудоустройства)	3,12

Однако еще полезнее будет подвергнуть факторному анализу всю совокупность социально-демографических и экономических показателей, получив на выходе картину социальной стратификации российского общества (табл. 4).

Вычисленные факторные переменные не особенно коррелируются с факторными переменными электоральных размежеваний, зато выстраиваются в регрессионные модели, практически исключающие возможность ошибки.

Модель, полученная для размежевания «власть–общественность», с небольшими расхождениями повторяет картину социального расслоения российского общества — из нее выпадает последний, седьмой, предиктор, а второй и третий — демографический и социальный — меняются местами (табл. 5).

Таблица 5.

	Standardised Beta	Sig.
Уровень урбанизации	-0,430	0,000
Степень развитости социальной сферы	0,389	0,000
Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т. п.)	0,380	0,000
Уровень доходов населения	-0,341	0,000
Уровень потребления	0,220	0,000
Уровень развития частного сектора	-0,123	0,020

По размежеванию между социал-самобытниками и либералами-западниками картина несколько меняется: первые два предиктора — экономический (урбанистический) и социальный — сохраняют ведущее положение, а демографический перемещается на шестую позицию, уступая место расслоению по уровню развития частного сектора (табл. 6).

Таблица 6.

	Standardised Beta	Sig.
Уровень урбанизации	0,398	0,000
Степень развитости социальной сферы	0,319	0,000
Уровень развития частного сектора	0,274	0,000
Уровень доходов населения	-0,259	0,000
Уровень потребления	-0,198	0,003
Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т. п.)	0,190	0,004

Другими словами, получается, что наиболее значимое влияние на формирование обоих размежеваний оказал уровень урбанизации и развития социальной сферы, отличие заключается только в факторах третьей очереди: на «властно-общественное» размежевание больше повлиял демографический фактор, на «западно-самобытное» — степень развитости частного сектора.

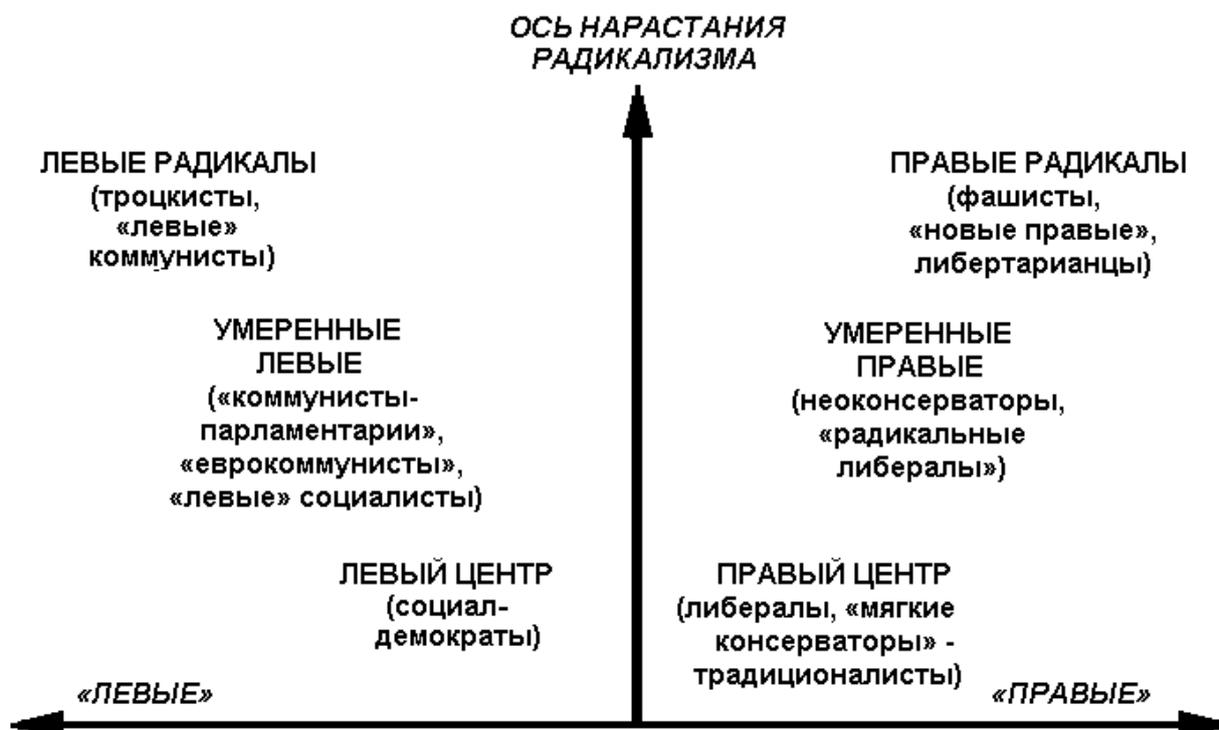
Таким образом, данная методика позволяет построить математизированную модель, выявляющую связи структуры электоральных размежеваний со структурой размежеваний политического пространства, а также с социальной стратификацией общества. Ее применение к анализу итогов всех думских выборов в период 1993–2011 гг., дает интересные результаты.

В частности, выясняется, что политическое пространство постсоветской России является трехмерным — число размежеваний в нем всегда равно трем. Содержание этих размежеваний расплывчато и неустойчиво, тем не менее некоторые закономерности проследить мож-

но. В частности, первое, наиболее влиятельное, размежевание явно соотносится с вопросами социально-экономического свойства. Но не только с ними. В 1990-х гг. оно было очень тесно связано также с выбором пути развития страны, выливаясь в противостояние «прогрессистов» («модернистов») и «красных традиционалистов».

Лишь в 1993 г. данное размежевание уступало лидирующее положение другому, характер которого поддается истолкованию с наибольшими трудностями. Исходя из того, что один из полюсов данного размежевания, как правило, сглажен (более или менее заметно он обозначался только в 1995 и 2003 гг., в первом случае его образовал блок «ДВР — Объединенные демократы», во втором — Концептуальная партия «Единение»), можно предположить, что оно строится вокруг отношения к основному системному противоречию: наиболее антагонистичные политические силы занимают места ближе к центру (точка наибольшего обострения противостояния), тогда как остальные располагаются на обочине. В 1990-х гг. стержнем системного противоречия было противостояние реформистов и антиреформистов, поэтому наиболее яростные реформисты («Выбор России», СПС) и антиреформисты (коммунисты) тяготели к центру, тогда как все приверженцы «золотой середины» и «уклонисты» от ответов на неудобные вопросы вытеснялись на периферию. Выталкивание ДВР-ОД на один из полюсов размежевания — свидетельство прогрессирующей маргинализации реформистов гайдаровского толка в середине 1990-х. В 2000-х конфигурация системы последовательно преобразовывалась в противостояние «партии власти» и ее противников, поэтому ближе к центру оказались «Единая Россия» со своими сателлитами и ее основные конкуренты, тогда как маргиналы помещались на периферии либо, как в случае с резко выламывающейся из всех стереотипов КП «Единение», на противоположном полюсе размежевания.

Рисунок 1.

Наконец, третье размежевание больше всего напоминает противостояние сторонников авторитарных и демократических методов управления страной. Очень часто оно походит также на размежевание по линии «власть—оппозиция», однако в любом случае основное про-

тивостояние формировалось вокруг вопросов, связанных с расширением либо сужением пространства политической конкуренции.

Следует отметить, что подобная трехмерность постсоветского политического пространства интуитивно ощущалась исследователями и раньше. Еще в середине 1990-х известный политик и политолог А. Денисов предложил дополнить традиционную классификацию общественно-политических объединений в условной «горизонтальной» системе координат «левые–правые» вторым, «вертикальным», измерением, характеризующим степень их политического радикализма. При этом в нижней части двумерной схемы на небольшом удалении от горизонтальной оси он разместил «центристов» («прагматиков»), которые готовы считаться «с неизбежным консерватизмом основной массы населения, связанным с психологической перестройкой и неспешной адаптацией к любого рода реформам», а в верхней — «нетерпеливых доктринеров, не склонных снисходить к несовершенству реформируемых масс и тяготеющих к принуждению» [Денисов 2006, С. 105]. Промежуточное, срединное положение между «центристами» и «радикалами» было отведено «умеренным» (рис. 1).

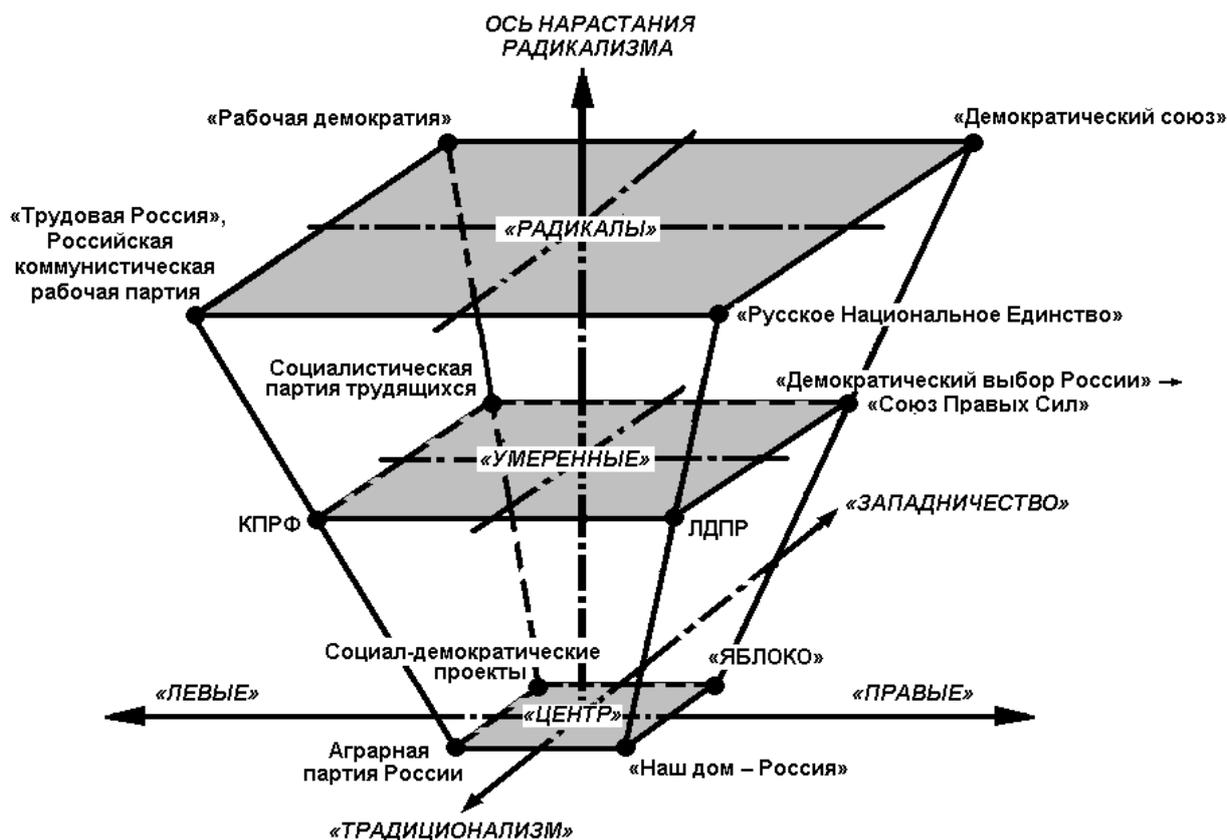
Примерно тогда же М. Грачев предложил дополнить данную схему третьим измерением, которое учитывало бы социокультурные особенности политических целей, обозначенных в программных документах партий и движений. В рамках этого измерения сторонники современного западничества (европейских, общечеловеческих ценностей) противопоставлялись приверженцам различных видов традиционализма («мягкий консерватизм», имперская идея, радикальный национализм и т. д.). В целом трехмерность российского политического пространства была отражена на схеме, предложенной М. Грачевым для анализа расстановки сил на думских выборах 1995 г. (рис. 2).

По мнению М. Грачева, в 1990-х гг. данное трехмерное пространство находилось в состоянии неустойчивого равновесия, причем основное противостояние складывалось между уравновешивающими друг друга «правыми западниками» и «левыми традиционалистами» — с определенными колебаниями в направлении «правого традиционализма».

Следует заметить, что трехмерность политического пространства является показателем его переходного состояния. В принципе для этого пространства более органична двумерность, обусловленная стремлением массового сознания максимально упростить политическую картину мира. Как правило, наиболее успешные политические игроки придерживаются сколько-нибудь жестких позиций только в тех вопросах, в которых они тесно связаны со своим базовым электоратом, в остальных же стараются колебаться в соответствии с доминирующими в обществе настроениями, избегая при этом неудобных для себя тем. Отсюда — сведение всего разнообразия политических измерений (обычно их выделяют от пяти до семи [Budge 1993; Lijphart 1999; Анохина, Мелешкина 2007; Анохина, Мелешкина 2008; Калинин 2009; Мелешкина, Толпыгина 2012; Толпыгина 2012]) к двум основным.

В большинстве европейских стран роль этих двух политических размежеваний исследователи отводят социально-экономическому и постматериалистическому, в Латинской Америке — тем же двум, что и в России, — авторитарно-демократическому и социально-экономическому [Moreno 1999; Stoll 2004: 44]. И лишь там, где режимы переживают некий переходный этап, появляется третье: в 1990-х гг. в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы оно, как и в России, было связано с отношением к политическим и экономическим реформам, а в Латинской Америке середины 1990-х — с выбором между светским и религиозным взглядом на мир (противостояние между «либералами» и «фундаменталистами») [Stoll 2004: 44]. И если в Центральной и Восточной Европе, а также Латинской Америке срок присутствия третьего, системного, измерения был достаточно ограниченным, не более десятилетия, то у нас оно задержалось надолго.

Рисунок 2.

В плане взаимосвязанности политических и электоральных размежеваний опыт думских выборов показал, что определенное политическое наполнение имели, как правило, не более двух из трех-четырёх имеющихся электоральных размежеваний. Остальные обуславливались некими посторонними факторами — либо дезориентацией избирателя, либо воздействием административного ресурса.

Наибольший искажающий эффект воздействие этих факторов оказало на выборы 1999 г., когда первое по значимости электоральное размежевание — между КПРФ и блоком «Отечество — Вся Россия», с одной стороны, и всеми остальными участниками выборов, с другой, было полностью лишено какой бы то ни было политической интерпретации, а оставшиеся два, хоть и отражали в определенной степени противостояние между социал-патерналистами и либералами-рыночниками, но были существенно «искорежены» конкуренцией между ОВР и «Единством» [Коргунюк 2013; Korgunyuk 2014].

Однако и на предыдущих выборах административный ресурс искажающим образом влиял на электоральные размежевания: в 1993 г. — на второе по значимости, в 1995-м — на третье [Ibid]. Подобные расхождения объясняются тем, что в 1990-х гг. только региональным и местным элитам удавалось успешно применять административный ресурс, и поскольку они поддерживали разные партии и блоки без оглядки на политическую ориентацию последних, то получался разнобой. Как только административный ресурс был централизован и направлен в русло безусловной поддержки В. Путина, исчезли и расхождения — с этих пор адмресурс работал исключительно на рост влияния авторитарно-демократического политического размежевания.

В итоге: если в 1990-х гг. самым сильным из электоральных размежеваний было противостояние рыночных модернистов и антирыночных «красных традиционалистов», то начи-

ная с 2003 г. противостояние по линии «авторитаризм–демократия» вытеснило противостояние по социально-экономическому признаку на второе место, заставив его к тому же слиться с системным размежеванием.

Что же касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то, независимо от их политического содержания, стратификационным фактором, оказывавшим наибольшее влияние на их структуру, был уровень урбанизации регионов (в 1990-х гг. он работал на реформистские партии и блоки, начиная с 2000-х — на противников «партии власти»). Исключением стали только выборы 2003 г., когда на первое место вышел демографический фактор: по всей видимости, это было связано с тем, что «триумфальное шествие» «Единой России» началось с национальных образований, существенно отличающихся по демографическим характеристикам от остальных регионов страны. Впрочем, в целом данный фактор имел большое значение и в других кампаниях, занимая, как правило, второе по влиятельности место. На противостояние между социал-патерналистами («самобытниками») и либералами-рыночниками («западниками») заметное влияние оказывал и фактор социальной благоустроенности (в большинстве случаев третий по значимости) [Ibid].

Исследовательская методика для регионального уровня

Преыдущие этапы методики — выявление структуры электоральных и политических размежеваний, их сопоставление, выявление структуры социальной стратификации и ее сопоставление со структурой электоральных размежеваний — являются обязательными для любого исследования в данной сфере. Однако переход с общенационального уровня на уровень регионов требует ряда дополнительных модификаций методики.

В частности, необходимо определить с помощью кластерного анализа основные группы регионов, близких как по политической «окраске» электоральных размежеваний, так и по степени социально-экономической и демографической обусловленности последних. В качестве данных для кластерного анализа лучше всего подходят следующие показатели: средняя явка избирателей; корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию»; количество электоральных размежеваний, а точнее, доля объясненной дисперсии каждого из них; модули коэффициентов корреляции между факторными значениями (factor loadings) партий для каждого из электоральных и каждого из политических размежеваний; модули стандартизованных бета-коэффициентов из регрессионных моделей, выявляющих связи между электоральными размежеваниями и основными факторами социальной стратификации.

Поскольку в разных субъектах Федерации стратификационные факторы различаются как по своему влиянию, так и по месту в иерархии (например, в Москве и Санкт-Петербурге бессмысленно говорить об уровне урбанизации — там и там он равен 100 %), необходимо прежде всего определить их стандартизированный набор. Вполне естественно, что в этот набор войдут, во-первых, наиболее часто встречающиеся, а во-вторых, отмеченные регрессионными моделями как в наибольшей степени влияющие на электоральные размежевания.

В число показателей⁴, использованных для выявления факторов социальной стратификации вошли: численность населения муниципального образования; площадь его террито-

⁴ Исходным материалом для этих показателей послужили данные, опубликованные на сайтах региональных подразделений Росстата (материалы всероссийской переписи 2010 г. и сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2010–11 гг.), а также База данных показателей муниципальных образований Росстата. К сожалению, пришлось отказаться от такого содержательного показателя, как уровень преступности (количество преступлений на 10 тыс. человек), — эти данные должно публиковать Министерство внутренних дел, однако большинство его региональных управлений, судя по всему, считают статистику муниципального уровня страшной ведомственной тайной.

рии; плотность населения; доля городского населения; доля русских; доля женщин; средний и медианный возраст; доля основных возрастных категорий (людей трудоспособного возраста, а также младше и старше оного); коэффициент демографической нагрузки; доля состоящих в браке (в том числе отдельно для мужчин и для женщин); доля имеющих высшее образование; доля работающих; доля ведущих подсобное хозяйство; доля получающих стипендию; доля пенсионеров; доля получающих пособие по безработице; доля экономически активного населения; доля занятых в экономике; доля работающих не по найму среди занятых в экономике; доля работодателей среди занятых в экономике; доля уроженцев соответствующего муниципального образования; доля домохозяйств, не имеющих горячего водоснабжения и канализации; доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет; количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек; доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования; среднемесячная зарплата работников крупных, средних предприятий и НКО; среднемесячная зарплата работников муниципальных учреждений; отношение зарплаты работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО; средняя площадь жилых помещений на одного человека; объем инвестиций в основной капитал на одного человека.

К сожалению, не везде были доступны все эти показатели, что, по всей видимости, сказалось и на количестве выявленных факторов социальной стратификации — от региона к региону их число варьировалось от четырех до девяти. Тем не менее для определения наиболее значимых факторов этого достаточно.

Наиболее легко фиксируемый и значимый фактор — уровень урбанизации, первый по влиятельности для 75 из 82 регионов⁵. Исключение в этом отношении составили только Москва и Санкт-Петербург (по понятным причинам), Калмыкия, Ингушетия, Ленинградская, Московская и Мурманская области. Причем в Ленинградской и Мурманской областях, а также Калмыкии этот фактор занял второе по значимости место. Доля его объясненной дисперсии составила от 9 % в Московской области до 57 % в Омской.

Фактор урбанизации включает целый комплекс показателей, а отнюдь не только долю городского населения. Напротив, если в том или ином субъекте Федерации существует четкое разделение на городские и сельские образования, то и пропасть, разделяющая цифры 0 и 100, не способна отразить нюансы различий между ними. Поэтому нередко гораздо более красноречивыми оказываются другие показатели. В частности, в городах, как правило, ниже демографическая нагрузка на трудоспособное население, выше доля работающих и вообще занятых в экономике, доля имеющих высшее образование и занимающихся бизнесом, доля имеющих стационарный телефон и интернет, меньше доля состоящих в браке и ведущих подсобное хозяйство, выше зарплата и меньше площадь жилых помещений в расчете на одного человека. Самый же, пожалуй, верный признак, отделяющий город от деревни, — наличие (отсутствие) горячей воды и канализации. Факторные значения (factor loadings) этих показателей для уровня урбанизации обычно наиболее велики, приближаясь по модулю к единице.

Второй по значимости фактор — демографические характеристики, то есть этническая принадлежность, пол, возраст, демографическая нагрузка и др. В 61 регионе этот фактор занимает второе по значимости место, а в пяти — Санкт-Петербурге, Калмыкии, Ленинградской, Московской и Мурманской областях — даже первое. Его значимость варьируется в

⁵ Субъектов Федерации, конечно, 83, но для думских выборов 2011 г. данные по Архангельской области и Ненецкому автономному округу были совмещены, поскольку в состав НАО входит всего два муниципальных образования — городской округ Нарьян-Мар и Заполярный район, — а статистические данные по автономному округу по традиции приводятся совместно с данными по Архангельской области.

диапазоне от нуля в Камчатском крае и Ханты-Мансийском АО до 53 % в Ленинградской области.

Третий фактор — экономическая активность (занятость, самостоятельность) населения. Обычно он охватывает такие характеристики, как доля имеющих высшее образование, доля работающих, доля ведущих подсобное хозяйство, доля получающих стипендию, доля получающих пособие по безработице, доля экономически активного населения, доля занятых в экономике, доля работающих не по найму, доля работодателей, количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования. В 39 регионах этот фактор занимает третье по значимости место, в 14 — второе, а в Ингушетии, где его значимость достигает 49 %, — и вовсе первое.

Еще один достаточно часто встречающийся фактор — благополучие жителей и благоустроенность территории. Сюда входят такие характеристики, как наличие (отсутствие) горячего водоснабжения, канализации, стационарной телефонной связи и интернета, уровень зарплат, размер жилой площади. Этот фактор вышел на первое место по значимости в Москве, на второе — в Башкортостане и Камчатском крае, в 13 регионах он занимает третье место, в 15 — четвертое, в 21 — пятое. Его доля в объясненной дисперсии достигает 29 % в Санкт-Петербурге и 30 % в Москве. Кроме того, эта доля достаточно велика в Забайкальском (21 %), Краснодарском (20 %) и Камчатском краях (18 %), Сахалинской (20 %) и Рязанской областях (17 %), Башкортостане (16 %) и Бурятии (19 %), а также Ямало-Ненецком АО (16 %).

Разнообразие факторов социальной стратификации не исчерпывается перечисленными четырьмя, однако менее значимые труднее интерпретировать — слишком велика вероятность впасть при этом в чрезмерный субъективизм. В связи с этим было решено не столько интерпретировать эти факторы, сколько относить их к той или иной достаточно широкой категории. В результате к четырем предыдущим факторам добавились еще два.

Пятый фактор был обозначен как уровень бюджетной поддержки населения и территории. К нему отнесены вариации, включающие такие показатели, как доля получающих стипендию, доля пенсионеров, доля получающих пособие по безработице, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах МО, зарплата работников муниципальных учреждений, отношение зарплат работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО. Этот фактор — второй по значимости в Забайкальском крае, еще в 7 регионах он занимает третье место, в 9 — четвертое, в 10 — пятое. Его значимость достигает 20 % в Москве, 19 % — в Забайкальском крае, 17% — в Хабаровском, 11 % — в Амурской области, 12 % — в Тульской, 10 % — в Карачаево-Черкесии и Еврейской автономной области.

Наконец, к шестому фактору — социально-культурному уровню — были отнесены вариации показателей «доля имеющих высшее образование», «доля получающих стипендию», «доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет». Он занял второе место в Кабардино-Балкарии (21 %), четвертое — на Камчатке (10 %), пятое — в Оренбургской области (4 %).

Однако последние два фактора не вошли ни в одну из регрессионных моделей, в которых роль зависимой переменной играли факторные значения (factor scores) электоральных размежеваний. Поэтому в объем данных для кластерного анализа они включены не были, а в качестве основных факторов социальной стратификации использовались только первые четыре.

Кластерный анализ итогов думских выборов 2011 г. разбил субъекты Федерации на пять основных групп.

В самый проблемный кластер вошли республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия. Здесь реальная электоральная жизнь практически полностью подменена бумажным «творчеством» избирательных комиссий, находящихся под плотным контролем правящей бюрократии. Отсюда — явка свыше 90 % и огромная поддержка «Единой России». При этом электоральные размежевания слабо связаны с факторами социальной стратификации: последние отчасти влияют только на второе или третье по важности электоральное размежевание, если влияют вообще.

Недалеко от этого состояния ушел и кластер, состоящий из Мордовии, Марий Эл, Татарстана и Тюменской области. Здесь административный ресурс также полностью подмял под себя голосование граждан, обеспечивая высокую явку и высокое голосование за «партию власти», и существует только одно электоральное размежевание — за «Единую Россию» или против, — связанное с уровнем урбанизации. В городах еще не до конца погашены «очаги сопротивления» — именно они и обеспечивают властно-общественному электоральному размежеванию достаточно солидную дисперсию.

К этому кластеру примыкает третий (назовем его «малоконкурентный»), включающий 19 регионов: Адыгея, Башкортостан, Калмыкия, республики Коми и Алтай, Тува, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Кемеровская, Омская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская и Ульяновская области. Здесь влияние административного ресурса несколько слабее, в результате чего высвобождается пространство для второго электорального размежевания, нередко вполне внятно интерпретируемого политически и обусловленного социально.

Наиболее усредненный по характеристикам кластер составила самая большая группа регионов (31): Москва, Бурятия, Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Якутия, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская (с Ненецким АО), Астраханская, Волгоградская, Иркутская, Калининградская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская и Ярославская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Еврейская автономная область. К кластеру, в сущности, примыкает и 32-й регион — Краснодарский край. Здесь голосование в большей степени, чем в предыдущем кластере, зависит от выбора избирателя и обусловлено социальными характеристиками последнего. Тем не менее административный ресурс если не заглушает свободное волеизъявление электората, то задвигает его на задний план.

Наконец, самый «свободный» кластер составили 20 регионов: Санкт-Петербург, Карелия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский и Приморский края, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Псковская, Сахалинская и Свердловская области. Здесь административный ресурс в наименьшей (хотя все равно достаточно большой) степени влияет на избирателя, руководствующегося в своем выборе и иными, отличными от воли начальства, соображениями. Этот выбор не всегда четко интерпретируем политически, но почти всегда достаточно серьезно обусловлен социально⁶.

Анализ результатов выборов в региональные собрания требует внесения в исследовательскую методику еще некоторых дополнительных корректив.

В частности, на этапе выявления электоральных размежеваний необходимо отсеять лишних игроков (для думских выборов 2011 г. это было не нужно, поскольку в них участвовали всего семь партий). Обычно в таких случаях барьер отсечения устанавливается на уровне 3 % полученных голосов, однако в российской ситуации это слишком высокая планка —

⁶ Подробнее о результатах кластерного анализа итогов думских выборов 2011 г. на региональном уровне см. Коргунюк 2014.

ориентация на нее приводит к отсеву ряда игроков с ярко выраженным идеологическим лицом, что, в свою очередь, затрудняет политическую интерпретацию одного из главных электоральных размежеваний — между «самобытниками» и «западниками» (социал-патерналистами и либералами-рыночниками). Поэтому было решено снизить барьер отсечения до 1 %, а в отдельных случаях и до 0,5 %.

На этапе выявления политических размежеваний необходимо решить проблему, связанную с тем, что в каждом регионе складывается собственный состав участников. И главная трудность не в том, что участники разные, а в том, что подавляющее большинство вновь образованных партий не обозначают своих позиций по основным вопросам политической повестки дня.

Поскольку на региональном уровне различия в платформах участников минимальны, сосредоточивать внимание приходится именно на федеральной повестке, которая относительно скудна и ситуативна по сравнению с общенациональными избирательными кампаниями. Формируется она основными игроками — в первую очередь парламентскими партиями, а участие в обсуждении входящих в нее вопросов принимает лишь ограниченный круг игроков — из новосозданных это либо идеологические партии, либо партии с (псевдо)харизматическими лидерами, претендующими на всезнание и готовыми комментировать любое политическое событие. В итоге попытка определить позицию каждой из партий по каждому из вопросов в большинстве случаев приводит к проставлению в соответствующих графах цифры 0.

Это, в свою очередь, отражается и на результатах факторного анализа. По выборам 2012 г. были изучены агитационные материалы 15 политических партий, получивших более 1 % голосов (в отдельных случаях более 0,5 %), по выборам 2013 г. — 25, по выборам 2014 г. — 22. Факторный анализ позиций партий по основным вопросам повестки дня (для 2012 г. таковых отобрано 36, для 2013 г. — 33) выявил в первом случае пять факторов с собственным значением больше единицы, во втором — семь, в третьем — четыре.

Результат неожиданный, ведь на всех думских выборах с 1993 по 2011 г. количество политических размежеваний было неизменным — всегда три. Подобное постоянство не зависело от числа участников — по выборам 1995 г. анализу подверглись агитматериалы 17 партий, а результат не изменился: остались те же три измерения.

Дело, скорее всего, в том, что избирательные кампании федерального уровня заставляют партии мобилизовать максимум сил и реагировать на любые значимые действия и слова конкурентов, предлагая альтернативные решения проблем либо пытаясь перехватить инициативу. Другими словами, партии пытаются так или иначе вписаться в общую расстановку сил.

Совершенно иная ситуация складывается, когда большинство участников выборов лишь имитирует политическую деятельность. Такие игроки почти не реагируют даже на маневры своих региональных конкурентов, на федеральную же повестку дня и вовсе не обращают внимания. В итоге их позиции в общей таблице пестрят нулями, а факторный анализ увязает в различиях между маргиналами, каждый из которых как-то обозначился в одном сегменте вопросов и начисто проигнорировал остальные.

Слишком большое количество политических размежеваний означает, что смысл взаимосвязей в политическом пространстве сложно понять не только каждому избирателю по отдельности (по отдельности в нем трудно разобраться даже специалисту), но и обществу в целом. Так что если целью инициаторов партийной реформы было максимально заморочить электорату голову, то они ее успешно добились. Как уже отмечалось, в целом политической интерпретации поддается не более двух электоральных размежеваний, и наличие трех политических размежеваний, одно из которых фактически синтезировано из фрагментов двух

других, сосуществует с этим фактом более или менее гармонично. Появление же двух, трех и даже четырех дополнительных политических измерений способно ввести в глубокое замешательство не только избирателя, но и исследователя.

Однако если ограничить число участников выборов только теми партиями, которые активно отзываются на актуальные политические вопросы (для 2012 г. это «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело», РПР-ПАРНАС, «Коммунисты России»; для 2013-го — те же, но без «Правого дела», зато с «Гражданской платформой», «Демократическим выбором», «Волей» и «Родиной»; в 2014 г. — те же, что в 2013-м, но без «Воли» и «Демвыбора»), то политическое пространство возвращается к трехмерности⁷.

Правда, иерархия размежеваний приобретает несколько другой вид: если на думских выборах первым всегда было социально-экономическое, за ним шло системное и лишь третьим авторитарно-демократическое, то на региональных выборах 2012–13 гг. на первое место выдвинулось авторитарно-демократическое («Единая Россия» против всех, но в первую очередь против наиболее оппозиционно настроенных партий), на второе отошло социально-экономическое (коммунисты и социал-патриоты против либералов-рыночников), а на третьем — системное (в 2012 г. это «государственники против либералов» — ЛДПР и «Патриоты России» против РПР-ПАРНАСа и «Яблока», в 2013-м — «лоялисты» из «Единой России» и «Патриотов России» против «социалистов» из КПРФ и «Справедливой России»).

Такое изменение иерархии вполне объяснимо. Если в ходе федеральных кампаний партии целенаправленно подчеркивают различия между собой, идеологизируя свои платформы и поднимая «вечные», мировоззренческие, вопросы, то во время выборов в региональные собрания они живут обыденной жизнью, откликаясь в основном на текущую политическую рутину. А таковая в 2012–13 гг. состояла в «закручивании гаек» и форсированном принятии репрессивного законодательства: отсюда появление таких вопросов, как отношение к криминализации статьи о клевете, к введению единого дня голосования и назначению его на второе воскресенье сентября, к введению ограничений в интернете, к возможности лишения депутата его мандата простым думским большинством, к партийной реформе, к закону об «иностранных агентах», к созданию для ставленников власти односторонних преимуществ на выборах, к «муниципальному фильтру», к ужесточению законодательства в целом и т. п.

В 2014 г. политическое пространство претерпело гораздо более радикальные изменения. События на Украине и информационные усилия центральных телеканалов вывели на первый план системное размежевание — между «империалистами» и «антиимпериалистами» (в последнем лагере собрались исключительно либеральные партии — «Яблоко», РПР-ПАРНАС, «Гражданская инициатива», к которым примкнули «Гражданская платформа» и «Гражданская сила», пытавшиеся обойти «украинский вопрос» стороной). Первые приветствовали присоединение Крыма, называли киевские власти «хунтой» и «бандеровцами», обвиняя их в геноциде «населения Юго-Востока», вторые, напротив, осуждали «аннексию» и настаивали на том, что Россия ведет необъявленную войну против Украины, а российское телевидение дезинформирует российское население о реальном положении дел. Другими словами, именно в этом размежевании наиболее четко обозначилось противостояние «самобытников» и «западников» по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Системное размежевание объясняло почти половину всей дисперсии (49 %), тогда как авторитарно-демократическое

⁷ Для 2014 г., впрочем, эта проблема была уже не столь актуальна — достаточно было исключить из списка всего одну партию, избегающую четко обозначать позицию по «украинскому вопросу» (в нашем случае это была ДПР), и политическое пространство вновь становилось трехмерным. События на Украине в целом заметно упростили расстановку сил в стране, сделав ее более «черно-белой».

(18,66 %) и социально-экономическое (11,56 %) оказались оттеснены соответственно на второе и третье места.

Таким образом, основные политические измерения остались теми же, но их иерархия изменилась, особенно заметно — в 2014 г.

Еще одна проблема заключается в том, что различия в составах участников региональных выборов создают разные же конфигурации политического пространства, сказываясь, в частности, и на количестве политических размежеваний, и на их содержании, и отчасти на иерархии. В 2012 г. политических размежеваний в разных регионах было, как правило, четыре (в Пензенской области — три), в 2013-м — от двух в Кемеровской области и Хакасии до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях. В 2014 г., когда власть от поощрения новых игроков вернулась к политике их «оптимизации» (т. е. лишения регистрации и снятия с выборов), число политических размежеваний резко сократилось: лишь в 4 из 13 (Республика Алтай, Крым, Брянская область, Ненецкий АО) оно дотянуло до привычных трех, в остальных не превысило двух.

В условиях отсутствия «эталонного» набора политических размежеваний, с которым можно было бы сравнивать картину электоральных размежеваний в разных регионах, было решено изменить методику и сопоставлять факторные нагрузки каждого из электоральных размежеваний с факторными нагрузками тех политических размежеваний, которые можно интерпретировать как авторитарно-демократическое (как правило, первое место в иерархии) и социально-экономическое (как правило, второе место, но не всегда: в ряде регионов оно отсутствовало вообще, а в некоторых опустилось на третье-четвертое место; в 2014 г. оно и во все проявило себя только в тех регионах, где число политических размежеваний было больше двух, т. е. Республике Алтай, Крыму, Брянской области и НАО). При анализе данных 2014 г. к этим двум размежеваниям было добавлено третье — системное («украинское»), везде без исключения оказавшееся на первом месте, причем во многих случаях в силу отсутствия представителей «антиимпериалистического» лагеря оно превращалось в «соревнование империалистов».

Решено было также дополнить набор данных, используемых для кластерного анализа, в частности ввести в него такой показатель, как количество электоральных и политических размежеваний в каждом из регионов.

Выборы 2012 г.

Из шести субъектов Федерации, в которых 14 октября 2012 г. состоялись выборы в региональные собрания, количество значимых электоральных размежеваний увеличилось в половине: в Саратовской и Сахалинской областях — с двух до трех, в Северной Осетии — с трех до пяти. Причем в пяти субъектах Федерации (кроме Пензенской области) количество политических размежеваний выросло с трех до четырех. Это могло произойти только вследствие расширения состава участников выборов за счет партий, не обозначивших позиций по большинству вопросов актуальной повестки дня. Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин «энтропии» избирательских предпочтений, а следовательно, и увеличения числа электоральных размежеваний.

К числу таких причин следует отнести также некоторое снижение интенсивности административной мобилизации голосов для «партии власти». Об этом свидетельствует как падение явки (в среднем оно составило около 22 %; больше всего в Северной Осетии — на 38,4 %, менее всего в Пензенской области — на 13,57 %), так и уменьшение доли первого электорального размежевания в общей дисперсии, которое, правда, оказалось не повсемест-

ным: в Краснодарском крае и Пензенской области эта доля, наоборот, увеличилась, а в Удмуртии ее снижение было минимальным — немногим более 5 %.

Особенно заметно административный нажим на избирателя ослабел в Северной Осетии: здесь зафиксировано самое большое падение явки (с 83,23 до 44,83 %), доля первого электорального размежевания в общей дисперсии уменьшилась с 40,63 до 23,74 %, а само оно уже не могло однозначно трактоваться как властно-общественное противостояние — между «Единой Россией» и остальными участниками выборов, это была скорее конкуренция между «Единой Россией» и «Патриотами России». В наибольшей степени с авторитарно-демократическим политическим размежеванием коррелировалось четвертое электоральное размежевание — между КППРФ и «Ассоциацией зеленых — Народной партией», с одной стороны, и «Единой Россией» и Российской экологической партией «Зеленые», с другой ($|R|=0,615$). Но и это размежевание отражало скорее противостояние группировок региональных элит, нежели партийных брендов. То же касается и прочих электоральных размежеваний, оформившихся в необычные для России в целом партийные противостояния: второе размежевание — «Патриоты России» против остальной оппозиции (в первую очередь против «Справедливой России»), третье — «Справедливая Россия» против «Единой России». Ни одно из них не имело достаточно внятного политического смысла.

Вместе с тем в республике заметно возросла степень социальной обусловленности электоральных размежеваний. Если в 2011 г. первое, властно-общественное, размежевание не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, то в 2012-м противостояние между «единороссами» и «патриотами» отразило разницу в уровне урбанизации: «Патриоты России» получили наибольший процент голосов в сельских населенных пунктах, «Единая Россия» — в городах. Правда, у остальных электоральных размежеваний обусловленность факторами социальной стратификации отсутствовала, тогда как на выборах 2011 г. социально-экономическое противостояние между «Яблоком» и «Справедливой Россией» (третий по значимости фактор — 14,78 % дисперсии) коррелировалось с уровнем экономической самостоятельности населения ($|St.Beta|=0,662$). Но в целом усиление социальной обусловленности голосования в Северной Осетии было очевидным.

Все это вывело Северную Осетию из самого депрессивного по уровню политической конкуренции кластера, поставив чуть ли не на одну ступень с Сахалинской областью, принадлежавшей на выборах 2011 г. к наиболее «продвинутому». Правда, в какой-то степени это сближение объяснялось повышением роли административного ресурса на выборах в Сахалинской области, проявившемся как в увеличении процента проголосовавших за «Единую Россию» (с 41,91 до 50,18 %), так и в резком росте корреляции между явкой и голосованием за «партию власти» (с 0,177 до 0,763) — при общем падении явки (более чем на 20 %) и доли первого электорального размежевания в общей дисперсии (с 38,08 до 27,76 %). Это размежевание имело четкую властно-оппозиционную окраску (корреляция с авторитарно-демократическим политическим размежеванием — 0,923), однако в социальном плане было связано не с уровнем экономической активности (вторым по значимости фактором социальной стратификации), как в 2011 г., а с долей русского населения — седьмым по значимости, объяснявшим всего 4,85 % дисперсии. Это значит, что власть, сделав ставку на низкую явку, не стала включать на полную мощность административный ресурс, а сосредоточилась на работе с «глубинкой», где доля русского населения в целом выше (в этом особенность Сахалина — как, наверное, и многих других районов Дальнего Востока: нерусское население здесь составляют в основном не местные, а приезжие, то есть люди относительно активные и самостоятельные).

Правда, стало более политически осмысленным второе электоральное размежевание: если в 2011 г. модуль коэффициента корреляции между ним и социально-экономическим по-

литическим размежеванием был невелик (0,278) — «Правое дело», ЛДПР и «Патриоты России» противостояли «Справедливой России» и «Единой России», — то в 2012 г. модуль вырос до 0,485, что обеспечилось конфронтацией между «Яблоком» и «Правым делом», с одной стороны, и КПСС и ЛДПР, с другой. При этом из обуславливающих данное электоральное размежевание факторов социальной стратификации исчез уровень урбанизации — остались только уровень экономической самостоятельности ($|St.Beta|=0,470$) и уровень благоустроенности ($|St.Beta|=0,411$).

Зато именно уровень урбанизации стал предиктором для третьего электорального размежевания ($|St.Beta|=0,562$), имевшего слабо выраженную корреляцию все с тем же социально-экономическим политическим размежеванием ($|R|=0,393$) — между долей недействительных бюллетеней и «Правым делом», с одной стороны, и «Патриотами России» и ЛДПР, с другой.

Можно считать, что на Сахалине второе электоральное размежевание выборов-2011 разделилось в 2012 г. на два, каждое из которых приобрело более явное политическое наполнение.

Неоднозначными оказались изменения в структуре электоральных размежеваний в Саратовской области. С одной стороны, там на 18 % снизилась явка, несколько уменьшилась корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (с 0,867 до 0,622), с двух до трех увеличилось число электоральных размежеваний, доля объясненной дисперсии первого из которых, властно-общественного, составляла уже не 68,74, а «всего» 50,16 %. С другой стороны, если в 2011 г. первое электоральное размежевание зависело от уровня урбанизации ($|St.Beta|=0,509$), то в 2012 г. оно не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, а это означает, что доминирование «Единой России» обеспечивалось на этот раз самым грубым методом — «ковровыми» приписками, и в деревне, и в городе.

Что касается второго электорального размежевания, то в 2011 г. в Саратовской области оно выражалось в значительном разбросе долей недействительных бюллетеней, не имевшем отношения к социальной стратификации. В 2012 г. и второе, и третье электоральные размежевания отличались очевидностью социальной подоплеки (второе обуславливалось уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье — уровнем урбанизации), чего нельзя сказать об их политическом аспекте: с идеологической точки зрения противостояние между КПРФ и РПР-ПАРНАС, с одной стороны, и «Справедливой Россией», с другой (второе размежевание), или КПРФ и «Справедливой Россией», с одной стороны, и РПР-ПАРНАС и «Единой Россией», с другой (третье), интерпретируются плохо.

А вот в Удмуртии, Краснодарском крае и Пензенской области изменения по сравнению с 2011 г. были минимальными. Структура электоральных размежеваний там осталось практически той же самой — как с количественной, так и с качественной точки зрения: во всех трех регионах первое размежевание имело властно-общественный характер, второе — преимущественно социально-экономический (между социал-патерналистами и либералами-рыночниками).

В Удмуртии явка снизилась на 19 %, доля объясненной дисперсии первого электорального размежевания — с 58,76 до 53 %, при этом корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию», напротив, увеличилась с 0,797 до 0,86. Кроме того, политизировалось второе электоральное размежевание: в 2011 г. оно сводилось к колебаниям доли недействительных бюллетеней, в 2012-м же представляло собой противостояние коммунистической и некоммунистической оппозиции — КПРФ и «Коммунистов России», с одной стороны, и «Патриотов России», «Справедливой России», «Яблока» и РЭП «Зеленые», с другой.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то по сравнению с 2011 г. она сильно оскудела. Тогда первое электоральное размежевание было связано

сразу с тремя стратификационными факторами (уровень урбанизации, уровень экономической занятости и доля русского населения), второе — с двумя (уровень благоустроенности и доля русского населения). В 2012 г. все стало проще: первое электоральное размежевание зависело только от уровня урбанизации, второе — от доли русского населения. Подобное упрощение можно считать следствием «точечного» ужесточения административного ресурса: давить было решено прежде всего на сельское, преимущественно удмуртское, население, которое, однако, выражало умеренный протест голосованием за партии с коммунистическими названиями.

Интересны детали изменений, произошедших со структурой электоральных размежеваний в Пензенской области. В этом регионе доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии не снизилась, а увеличилась — с 75,9 до 82,5 %, несколько поменяв социальную подоплеку: в 2011 г. оно зависело от уровня урбанизации и национального состава населения, в 2012-м — от уровня урбанизации и уровня благоустроенности.

При этом четкую политическую и социальную окраску приобрело второе электоральное размежевание. В 2011 г. оно проявлялось только в разбросе долей недействительных бюллетеней и не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации. В 2012 г. его связь с социально-экономическим политическим размежеванием стала более выраженной ($|R|=0,571$) — решающая роль по-прежнему принадлежала разбросу долей недействительных бюллетеней, однако слабо просматривалось и противостояние между ЛДПР и «Коммунистами России», с одной стороны, и «Яблоком» и Партией пенсионеров России, с другой. Появились у этого размежевания и социальные предикторы — демографические характеристики и уровень благоустроенности. Это также могло явиться следствием «точечного» административного давления на наименее защищенную часть населения, способную, тем не менее, выразить протест порчей бюллетеней либо голосованием за маргинальные партии.

Меньше всего изменилась ситуация в Краснодарском крае. Здесь, правда, весьма существенно сократилась явка (на 25 %) и снизилась корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (с 0,693 до 0,399), однако суть происходящих процессов осталась прежней: первое электоральное размежевание все так же имело властно-общественный, а второе — западническо-самобытный характер. Причем первое электоральное размежевание, как и в 2011 г., не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, второе же «обеднело»: если в 2011 г. оно зависело и от уровня урбанизации, и от уровня благоустроенности, и от национального состава населения, то в 2012 г. — только от уровня урбанизации. Это свидетельствует о том, что административный нажим на избирателя в крае не только не ослабел, но, пожалуй, приобрел еще более грубые формы.

Выборы 2013 г.

Количество значимых электоральных размежеваний в 16 регионах, где 8 сентября 2013 г. прошли выборы в законодательные собрания, варьировалось от двух в Чечне, Башкортостане, Кемеровской и Ростовской областях до шести во Владимирской области, политических — от двух в Хакасии и Кемеровской области до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях. Если уменьшение количества электоральных и политических размежеваний можно считать результатом жесткого административного контроля за голосованием, то увеличение — следствием дезориентации избирателя и случайности сделанного им выбора.

Вообще-то увеличить либо уменьшить количество политических и электоральных размежеваний можно искусственно, сугубо административными методами, однако с первыми и

то и другое сделать легче, чем со вторыми. Чтобы уменьшить количество электоральных размежеваний, необходимо взять под контроль не только избирательные комиссии, но и всю политическую жизнь региона, чтобы увеличить — отпустить вожжи со всеми вытекающими отсюда рисками для власти.

С политическими размежеваниями проще: например, чтобы сделать политическое пространство двумерным, достаточно снять с выборов либеральные партии и вообще сократить до минимума число участников выборов, а чтобы, наоборот, максимально увеличить число измерений, надо лишь заполнить избирательные бюллетени массой партий-«пустышек». Ни то ни другое не требует особых затрат и не влечет особых рисков.

Поскольку число субъектов Федерации, где состоялись выборы в региональные собрания, на этот раз довольно значительно, то полученные данные были подвергнуты не только факторному, корреляционному и регрессионному, но и кластерному анализу. Предварительно построенная дендрограмма показывает, что изученные случаи легко разбиваются на два, три и четыре кластера.

Разделение на два кластера сразу же отделяет от всех остальных регионов Чечню, Башкортостан и Кемеровскую область. Напомним, что по итогам выборов 2011 г. Чечня оказалась в наименее конкурентном кластере, а Башкортостан и Кемеровская область — в третьем с конца (там, где, несмотря на давление административного ресурса, все же оставалось место для второго электорального размежевания) [Коргунюк 2014]. В 2012 г. во всех трех регионах отмечена высокая явка (62,13 % — в Башкирии, 76,66 % — в Кемеровской области, 92,46 % — в Чечне), крупная доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии (Башкирия — 46,67 %, Чечня — 67,99 %, Кемеровская обл. — 74,55 %) и, наоборот, небольшая — второго (Кемеровская обл. — 9,37 %, Башкортостан — 12,39 %, Чечня — 14,68 %). Число электоральных размежеваний нигде не превышало двух, а количество политических варьировалось от двух в Кемеровской области до трех в Чечне и Башкортостане. Все это свидетельствует о жестком административном контроле за всеми этапами выборного процесса в данных регионах.

Однако между этими случаями есть и существенные отличия. Так, только в Башкортостане второе электоральное размежевание носило ярко выраженный социально-экономический характер и заключалось в противостоянии между КПРФ и «Гражданской платформой». В политическом пространстве Чечни и Кемеровской области размежевание между социал-патерналистами и либералами-рыночниками отсутствовало.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то в Башкортостане и Кемеровской области первое, властно-общественное, было связано с уровнем урбанизации (в Башкортостане еще и с уровнем благоустроенности), в Чечне — с уровнем экономической активности. Второе размежевание в Кемеровской области зависело от уровня урбанизации, в Башкортостане — от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Чечне — от демографических характеристик и уровня благоустроенности.

Таким образом, в Башкортостане и Кемеровской области структура электоральных размежеваний не претерпела серьезных изменений (в Кемеровской области так и вовсе почти никаких), Чечня же шагнула из самой неконкурентной зоны в почти «среднячки». Прежде всего, с 99 с лишним до 92,5 % снизилась явка и с 99 до 86 % — голосование за «Единую Россию». Так что если в 2011 г. всем остальным партиям приходилось бороться лишь за десятые доли процента голосов, то в 2013-м — как минимум за 14 %. В итоге две «оппозиционные» партии — «Патриоты России» и «Справедливая Россия» — набрали соответственно 5,07 и 7,27 %. Более того, если в 2011 г. корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» хотя была не слишком сильной, но все же имела положительный знак ($R=0,615$), то в 2013-м она стала отрицательной ($R=-0,642$).

Более близкой к третьему, малоконкурентному, кластеру образца 2011 г. оказалась и структура размежеваний. Хотя на выборах-2011 в Чечне было выявлено три электоральных размежевания, а в 2013-м — только два, однако «многофакторность» 2011 г. объяснялась исключительно мизерностью дисперсии (в пределах десятых долей процента), тогда как в 2013 г. конфигурация приняла если не «башкирские», то как минимум «кемеровские» очертания. Усилилась и связь электоральных размежеваний со структурой социальной стратификации: в 2011 г. оба первых электоральных размежевания были связаны с одним стратификационным фактором (первое — с уровнем экономической активности, второе — с демографическими характеристиками), в 2013-м — с двумя (первое — с уровнем экономической самостоятельности населения и уровнем предпринимательской активности; второе — с уровнем телефонизации и уровнем оседлости населения). Впрочем, уровень политической конкуренции в республике повысился с разрешения начальства — в качестве подачи Р.Кадырова тем или иным региональным партийным лидерам.

Второй кластер (13 регионов) делится на три подкластера.

В первый из них вошли Хакасия, Ивановская область и Забайкальский край. На выборах 2011 г. Хакасия входила в самый большой и самый усредненный по характеристикам кластер (второй по уровню политической конкуренции), Ивановская область и Забайкальский край — в наиболее конкурентный. На этот раз все три случая объединила относительно низкая явка (от 34,66 % в Забайкальском крае до 38,36 % в Хакасии), не очень большая доля первого электорального размежевания в общей дисперсии (от 34,2 % в Хакасии до 38,2 % в Ивановской области) и относительно крупная доля второго (от 18,25 % в Ивановской области до 25,35 % в Хакасии). Во всех трех регионах присутствовало также третье электоральное размежевание, а в Ивановской области — даже четвертое.

Что же касается политических размежеваний, то в Хакасии их было всего два (из-за недопуска к выборам либеральных партий), в Забайкальском крае — три, а в Ивановской области — целых пять (из-за большого числа участников: всего к выборам было допущено 20 партий, 12 из которых, включая партию «Против всех», вместе набрали немногим более 1 %).

Есть и другие различия. В Ивановской области и Забайкальском крае зафиксирована высокая корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» — соответственно 0,807 и 0,748, тогда как в Хакасии она была несущественной — 0,227. Вообще первое электоральное размежевание в Хакасии мало напоминало классическое властно-общественное, выражающееся в противостоянии между «Единой Россией» (как вариант — в компании с кем-нибудь из сателлитов, чаще всего «Родиной») и остальными участниками выборов. Модуль корреляции между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим составил всего 0,359, в целом же оно выражалось в противостоянии между «Единой Россией» и «Коммунистами России», с одной стороны, и «Патриотами России», РЭП «Зеленые», Партией пенсионеров России и «Справедливой Россией», с другой. Зато неожиданно сильной оказалась связь с авторитарно-демократическим размежеванием у третьего электорального ($|R|=0,662$), фактически сводящегося к противостоянию между «Единой Россией» и ЛДПР.

В Забайкальском крае второе электоральное размежевание имело четко выраженный социально-экономический характер ($|R|=0,842$), несмотря на то что фактически оно представляло собой противостояние между «Справедливой Россией», «Гражданской платформой» и РЭП «Зеленые», с одной стороны, и КПСС, с другой. А вот в Ивановской области более всего с противостоянием социал-патерналистов и либеральных рыночников коррелировалось четвертое электоральное размежевание ($|R|=0,581$): КПРФ и КПСС против «Яблока», «Спра-

ведливой России» и партии «Против всех» (позиционировавшей свою платформу как либерально-консервативную).

Во всех трех регионах как минимум два первых электоральных размежевания обуславливались факторами социальной стратификации. Первое электоральное размежевание везде было связано с уровнем урбанизации, в Хакасии и Ивановской области — также с уровнем инвестиций, в Забайкальском крае — с целым букетом факторов: состоянием дорожной сети, освоенностью территории и уровнем бюджетной поддержки. Второе электоральное размежевание в Ивановской области и Забайкальском крае зависело от уровня урбанизации и уровня благоустроенности (плюс к этому в Ивановской области от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Забайкальском крае — от уровня бюджетной поддержки), в Хакасии — от демографических характеристик. Наконец, в Хакасии и Ивановской области социально обусловленным оказалось также третье электоральное размежевание (в Хакасии — демографическими характеристиками, в Ивановской области — ими же и уровнем урбанизации), а в Ивановской области — и четвертое (уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности).

Достаточно конкурентным можно считать и второй подкластер, состоящий из шести областей — Архангельской, Владимирской, Иркутской, Смоленской, Ульяновской и Ярославской. На выборах 2011 г. только один из этих регионов — Владимирская область, — принадлежал к самому конкурентному кластеру, еще четыре — Архангельская, Иркутская, Смоленская и Ярославская области — к самому большому, усредненному (второму по уровню конкурентности), а Ульяновская область — и вовсе к малоконкурентному.

Во всех шести случаях была зафиксирована низкая явка (от 25,31 % в Архангельской области до 35,73 % в Ульяновской), большое количество электоральных размежеваний (в Ульяновской области — три, в Архангельской, Смоленской и Ярославской — четыре, в Иркутской — пять, во Владимирской — шесть) и почти такое же число политических (в Смоленской и Ульяновской областях — три, в Архангельской и Владимирской — четыре, в Иркутской и Ярославской областях — пять). Во всех шести регионах наблюдалась сильная корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» — от 0,626 в Архангельской области до 0,946 в Ульяновской — при относительно небольшой доле первого электорального размежевания в общей дисперсии — за исключением Ульяновской области (54,75 %; во Владимирской области, напротив, всего 24,27 %).

С другой стороны, связь между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим отношением не везде была ярко выражена. Только в Смоленской и Ульяновской областях ее модуль приближался к 0,7, в Ярославской области он составил всего 0,414 (в компании с «Единой Россией» оказались «Партия за справедливость!», КПСС, ЛДПР, «Коммунисты России» и даже недействительные бюллетени), в Архангельской и того меньше — 0,383 («Единая Россия», АПР и КПСС против «Яблока», РЭП «Зеленые» и КПРФ).

А вот с социально-экономическим политическим размежеванием были связаны (причем не везде особенно сильно) только второе электоральное в Иркутской и Ульяновской областях, третье — в Смоленской и четвертое — в Архангельской.

Первое электоральное размежевание везде обуславливалось уровнем урбанизации, в Архангельской и Смоленской областях — также демографическими характеристиками, во Владимирской и Ярославской — уровнем экономической активности, в Ульяновской и Иркутской — демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Второе электоральное размежевание в трех регионах — Архангельской, Смоленской и Ульяновской областях — не было связано ни с одним из факторов. В Иркутской и Ярослав-

ской областях оно обуславливалось демографическими характеристиками и уровнем экономической активности, во Владимирской — только демографическими характеристиками.

Третье электоральное размежевание имело социальную подоплеку во Владимирской, Смоленской и Ульяновской областях (уровень экономической активности, во Владимирской области — он же и уровень урбанизации), четвертое — только в Архангельской (уровень экономической активности) и Иркутской областях (демографические характеристики).

Наконец, в последний подкластер вошли четыре региона: Бурятия, Калмыкия, Якутия и Ростовская область. На выборах 2011 г. Бурятия, Якутия и Ростовская область входили в самый крупный, усредненный, кластер, а Калмыкия — в малоконкурентный.

Этим регионам были присущи повышенный уровень явки (от 44,37 % в Ростовской области до 52,33 % в Калмыкии) и сильная корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (от 0,699 в Якутии до 0,845 в Калмыкии), а также «классическая» для России в целом структура электоральных размежеваний: первое электоральное размежевание — властно-общественное (модуль корреляции с авторитарно-демократическим политическим размежеванием — от 0,554 в Бурятии до 0,881 в Калмыкии), второе — либерально-патерналистское (лишь в Калмыкии модуль корреляции с социально-экономическим политическим размежеванием составил всего 0,275; в Якутии — 0,6, в Ростовской области — 0,735).

В целом же количество электоральных и политических размежеваний в третьем подкластере было «средним по больнице»: в Калмыкии и Якутии — три электоральных и столько же политических, в Бурятии — три электоральных и четыре политических, в Ростовской области — два электоральных и три политических.

Что касается социальной обусловленности, то в Ростовской области первое электоральное размежевание не зависело ни от одного из факторов социальной стратификации, в Калмыкии оно было связано с демографическими характеристиками, в Якутии — с уровнем благоустроенности, в Бурятии — с уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности.

Второе размежевание в Ростовской области обуславливалось уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической активности. В этом плане данный регион оказался очень похож на Краснодарский край в 2012 г. — там властно-общественное размежевание тоже не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, что свидетельствует о «ковровых» приписках в пользу «Единой России»; зато второе размежевание имело отчетливый социально-экономический характер и зависело от уровня урбанизации. В Калмыкии второе размежевание в 2012 г. было связано с уровнем благоустроенности, в Бурятии и Якутии — с демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Из тех регионов, где обнаружилось третье электоральное размежевание, только в Якутии оно проявило признаки социальной обусловленности — уровнем урбанизации и уровнем экономической активности.

В общем, именно этот подкластер можно считать наиболее усредненным, промежуточным между Чечней, Башкортостаном и Кемеровской областью и всеми остальными. Недаром при разделении совокупности на три кластера Башкирия оказалась в одной группе с Бурятией, Калмыкией, Якутией и Ростовской областью.

Выборы 2014 г.

14 сентября 2014 г. состоялись выборы в региональные собрания 14 субъектов Федерации: Республики Алтай, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Крыма, Марий Эл, Татарстана, Тувы, Хабаровского края, Брянской, Волгоградской и Тульской областей, Москвы, Севастополя и Ненецкого автономного округа. Из подлежащих анализу следует сразу исклю-

чить Москву, поскольку выборы здесь проводились только по одномандатным округам. Данные, полученные в этих округах, невозможно подвергнуть факторному анализу в рамках всего города — по чисто техническим причинам.

В остальных 13 регионах количество электоральных размежеваний варьировалось от одного (Татарстан) до пяти (Республика Алтай), политических, как упоминалось ранее, от двух до трех. Введение сбора подписей для партий, не представленных в региональных парламентах, и общее ужесточение требований сказались прежде всего на политических, а не электоральных размежеваниях — видимо, потому, что от участия в выборах отсекались в первую очередь либеральные партии, чье присутствие в бюллетенях для голосования увеличивало возможность появления в политическом пространстве социально-экономического измерения.

На этапе построения регрессионной модели, выявляющей связи между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией, из анализа пришлось исключить Крым, Севастополь и Ненецкий автономный округ: для первых двух субъектов отсутствуют сопоставимые с прочими регионами демографические и социально-экономические данные, а со статистикой НАО невозможно работать из-за слишком малого числа муниципальных образований на его территории (таковых всего два — город Нарьян-Мар и Заполярный муниципальный район).

Таким образом, кластерному анализу подверглись лишь 10 регионов. В итоге выявлены три кластера и два отдельных случая (Татарстан и Марий Эл).

В первый кластер вошли Республика Алтай и Брянская область. Напомним, что в 2011 г. оба этих региона входили в третий, малоконкурентный, кластер. На этот же раз только в этих двух — из рассматриваемых регионов — имело место целых три политических размежевания. Что касается электоральных размежеваний, то в Республике Алтай их число было самым большим (пять), а в Брянской области — средним по России (три). Средней была и явка избирателей: 54,1 % в Республике Алтай и около 50 % в Брянской области. В остальном характеристики этих регионов существенно различались. Например, в Брянской области первое электоральное размежевание («Единая Россия» против всех) объясняло 47,92 % дисперсии и было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим, а в Республике Алтай — всего 27,26 % и не имело внятной политической интерпретации, сведясь к противостоянию между «Справедливой Россией», «Партией за справедливость!», с одной стороны, и КПРФ, РПР-ПАРНАС, ЛДПР и РЭП «Зеленые», с другой. Кроме того, в Брянской области корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» составляла 0,803, а в Республике Алтай она стремилась к нулю ($R=-0,002$).

Зато в отличие от Брянской области, где не прослеживалось никакой связи между первым электоральным размежеванием и факторами социальной стратификации (явный признак грубого приписывания голосов «Единой России»), в Республике Алтай это размежевание оказалось обусловлено сразу и фактором урбанизации, и демографическими характеристиками (за «справедливые» партии лучше голосовали в «национальной» сельской глубинке и хуже в городах). Демографическими характеристиками было обусловлено в республике и третье электоральное размежевание — между «Яблоком» и отчасти «Справедливой Россией», с одной стороны, и «Единой Россией», с другой; оно же в известной степени коррелировалось с системным ($R=0,49$) и авторитарно-демократическим ($R=0,53$) политическими размежеваниями. Так или иначе, Республика Алтай подтвердила репутацию региона, электоральная политика которого определяется клановыми противоречиями (каждый из «родовых» кланов связан с той или иной партией, отсюда и резкие перепады в голосовании за ту же «Справедливую Россию» и мимикрирующую под нее «Партию за справедливость!»), из-под

которых, однако, время от времени выглядывают общероссийские политические противостояния.

В свою очередь, в Брянской области социально обусловленным оказалось второе электоральное размежевание (уровнем урбанизации и уровнем экономической занятости) — между «Гражданской платформой», Российской партией пенсионеров за справедливость и КПРФ, с одной стороны, и «Справедливой Россией», «Коммунистами России» и ЛДПР, с другой. Это размежевание неплохо коррелировалось также с системным ($R=0,625$) и социально-экономическим ($R=0,544$) политическими измерениями. Правда, сильная корреляция с системным размежеванием объяснялась всего лишь невыраженной позицией ГП и РППЗС по «украинскому вопросу».

Второй кластер составили едва ли не самые проблемные в электоральном плане регионы страны — Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Тува. В 2011 г. первые два субъекта принадлежали к самому неконкурентному кластеру, а Тува — к третьему, малоконкурентному. В 2014 г. явка везде была существенно выше средней — от 67,56 % в Карачаево-Черкесии до 80,53 % в Туве. Политических размежеваний везде по два, электоральных — два в Карачаево-Черкесии и по три в Кабардино-Балкарии и Туве. Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» была высокой только в Туве ($R=0,644$), в Карачаево-Черкесии она составила лишь 0,402, а в Кабардино-Балкарии и вовсе -0,015. Во всех трех регионах первое электоральное размежевание носило выраженный властно-общественный характер (корреляция с авторитарно-демократическим политическим размежеванием — от 0,716 в Кабардино-Балкарии до 0,84 в Карачаево-Черкесии; в Карачаево-Черкесии первое электоральное размежевание было также сильно связано с системным — $R=0,613$).

Однако сами по себе эти цифры мало о чем говорят. Например, в Карачаево-Черкесии ни одно из электоральных размежеваний не было обусловлено социально, а значит, все проявившиеся политические симпатии в лучшем случае отражали предпочтения руководства избирательных комиссий. Как и в 2011 г., Карачаево-Черкесия оказалась едва ли не самым «запущенным» в электоральном плане регионом.

В Кабардино-Балкарии социально обусловленным — уровнем инвестиций и уровнем урбанизации — было только второе электоральное размежевание, не имевшее, впрочем, выраженного политического характера: «Яблоко» и КПРФ противостояли ЛДПР.

В Туве же, напротив, все три электоральных размежевания были связаны с теми или иными факторами социальной стратификации: первое (властно-общественное) — с уровнем урбанизации и уровнем предпринимательской активности, второе (либерально-патриотическое — РПР-ПАРНАС против остальных; корреляция с системным политическим размежеванием — $R=0,817$) — с уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье («Справедливая Россия» против «Единой России», «Коммунистов России» и «Патриотов России»); корреляция с авторитарно-демократическим политическим — $R=0,653$) — с уровнем предпринимательской активности и уровнем экономической самостоятельности. В 2011 г. в республике наблюдалось только два электоральных размежевания, причем социально обусловленным (демографическими характеристиками) было только первое из них — властно-общественное. Так что повышение уровня политической конкуренции по сравнению с думскими выборами здесь налицо.

В третий кластер вошли Хабаровский край, Волгоградская и Тульская области. Политических размежеваний везде было по два, электоральных — четыре в Хабаровском крае и по три в двух других регионах. Явка ниже средней: наименьшая в Хабаровском крае (25,45 %, но при высокой корреляции с голосованием за «Единую Россию» — $R=0,818$), чуть больше в Волгоградской области (36,59 %; корреляция с голосованием за ЕР — $R=0,542$) и наибольшая в Тульской области (40,52 %, при почти нулевой корреляции с голосованием за

ЕР — $R=0,09$). Во всех трех регионах первое электоральное размежевание отчетливо коррелировалось с авторитарно-демократическим политическим и было обусловлено социальными факторами (уровнем урбанизации в Хабаровском крае и Волгоградской области, кроме того, в Хабаровском крае — уровнем благоустроенности, а в Волгоградской области — демографическими характеристиками; в Тульской области — только уровнем экономической активности).

Социально обусловленными везде оказались также второе и третье размежевания: второе — уровнем урбанизации (Волгоградская и Тульская области) и уровнем благоустроенности (Хабаровский край), третье — уровнем урбанизации и демографическими характеристиками (Волгоградская область), уровнем благоустроенности (Тульская область), уровнем экономической активности и уровнем благоустроенности (Хабаровский край). С политическим наполнением этих размежеваний, однако, дело обстояло хуже: в Хабаровском крае ни то ни другое не имело четких связей с политическими противостояниями, в Волгоградской и Тульской областях формально наблюдалась средневывраженная корреляция с системным размежеванием, но это было связано скорее с присутствием на одном из полюсов «Яблока» — единственной либеральной партии, допущенной в этих регионах к выборам.

Напомним, что на думских выборах 2011 г. все три региона входили в усредненный кластер. В 2014-м они оказались самыми конкурентными.

Что касается двух особняком стоящих случаев, то Татарстан подтвердил репутацию электорально управляемого региона — очень высокая явка (80,36 %), тесная связь между явкой и голосованием за «партию власти» ($R=0,937$), одно электоральное размежевание отчетливо властно-общественного характера (корреляция с авторитарно-демократическим политическим измерением — $R=0,889$, с системным и того выше — $R=0,97$). Как и в 2011 г., это единственное электоральное размежевание было обусловлено сразу тремя факторами социальной стратификации: уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической занятости. В этом регионе все осталось по-прежнему.

А вот в Марий Эл, принадлежавшей в 2011 г. к тому же, что и Татарстан, второму снизу по уровню конкуренции кластеру, произошли некоторые подвижки. Во-первых, здесь резко упала явка — с 75,7 до 41,67 %, во-вторых, появилось второе электоральное размежевание, имеющее связь (пусть и довольно слабую — $R=0,429$) с социально-экономическим политическим измерением и социально обусловленное демографическими характеристиками. При этом первое электоральное размежевание, коррелирующееся не только с авторитарно-демократическим ($R=0,634$), но и, весьма тесно, с системным политическим размежеванием ($R=0,736$), на этот раз, в отличие от 2011 г., было обусловлено одновременно и уровнем урбанизации, и уровнем предпринимательской активности. В общем, стоило властям перестать усердствовать с обеспечением явки, и структура электоральных размежеваний в республике сразу приблизилась к общероссийской.

О положении дел в Крыму, Севастополе и Ненецком АО можно судить только по явке, корреляции между явкой и голосованием за «Единую Россию», количеству электоральных и политических размежеваний, а также корреляции между двумя этими видами размежеваний.

Явка в Крыму и Севастополе была средней по стране — соответственно 53,56 и 48,49 %, в Ненецком АО немного ниже — 41,47 %; корреляция между явкой и голосованием за «партию власти» — не сильно выраженной: $R=0,456$ в Крыму, $R=0,352$ в Севастополе, $R=0,515$ в Ненецком АО. Факторный анализ выявил по два электоральных размежевания в НАО и Севастополе и четыре в Крыму, а политических — два в Севастополе и по три в Крыму и Ненецком АО (что составляет половину всех случаев трехмерности политического пространства).

В Крыму и Ненецком АО первое электоральное размежевание было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим (в Крыму также с системным, но это получилось из-за того, что в одной компании с «Единой Россией» оказалась ДПР, всячески избегавшая обозначения своей позиции по «украинскому вопросу»). Второе электоральное размежевание ни там ни там не имело сколько-нибудь внятной корреляции ни с одним из политических, третье и четвертое в Крыму также не поддавались политической интерпретации. В Севастополе же политической окраски не имело ни первое, ни второе электоральное размежевание.

Кластерный анализ всех 13 регионов без учета связей между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией привел к тому, что Севастополь и НАО вошли в одну группу с Марий Эл, а Крым — с Республикой Алтай, Хабаровским краем, Брянской, Волгоградской и Тульской областями.

Таким образом, каким бы странным это ни показалось, в плане электоральных размежеваний Севастополь и Крым существенно отличаются друг от друга. Впрочем, странным это может казаться только на первый взгляд: по территориальной структуре Крым намного ближе к любому другому субъекту РФ, чем Севастополь, — здесь есть города и села, местности, населенные преимущественно крымскими татарами и населенные преимущественно русскими, и т. д. Севастополь же, будучи намного более однородным по демографическому составу своих жителей, напоминает скорее Москву и Санкт-Петербург, поэтому и сравнивать его логичнее с ними.

Заключение

Возвращаясь к вопросу о влиянии партийной реформы 2012–13 гг. на структуру электоральных размежеваний, можно лишь повторить, что если целью инициаторов реформы было окончательно сбить с толку всех подряд, то они своего добились. Разобраться, кто есть кто, трудно даже специалисту, вооруженному методами статистического анализа, — что уж говорить о неискушенном избирателе. Увеличение числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно — рост количества электоральных размежеваний (корреляция между количеством электоральных и политических размежеваний на выборах 2012–14 гг. хотя и не очень велика, но все-таки достаточно значима — $R=0,527$).

Если в некоторых регионах и наблюдалось повышение уровня политической конкуренции, то среди его причин следует числить не столько допуск к выборам новых участников, сколько ослабление нажима на зависимых от государства избирателей: власти уже не гнали на выборы всех поголовно, заставляя голосовать за «Единую Россию» (и не обязывали избирательные комиссии любой ценой обеспечить «партии власти» не менее 70 % голосов), а ограничивались «точечным» давлением — в отдельных местах и на отдельные категории бюджетников.

Региональные выборы 2012–14 гг. можно также считать опытным полем для обкатки новых (а точнее, подзабытых старых) подходов к обеспечению нужных для верхов результатов. Выборы показали, что этих результатов можно добиться не только закручиванием гаек, но и частичным их ослаблением. Можно со скандалом снимать с регистрации неудобные партии, а можно запустить нескольких спойлеров и получить на выходе то, что требовалось. Можно искусственно «натягивать» явку до 99 %, а можно, наоборот, сбить ее до 25 % и все равно обеспечить «Единой России» большинство в региональном парламенте.

Впрочем, не стоит преувеличивать креативность властей: во многих регионах они и не думали менять тактику — опыт Башкортостана, Татарстана, Удмуртии, Чечни, Краснодар-

ского края, Кемеровской, Пензенской, Саратовской, Ростовской областей показывает, что там, где начальство не видело смысла отказываться от проверенных способов, оно продолжало их использовать.

К тому же в 2014 г. обозначилась четкая тенденция ужесточения требований к участникам выборов, и это сразу же дало свои результаты: уменьшилось число как электоральных, так и (особенно) политических размежеваний. Однако общий тренд сохранился: регионы по-прежнему делились на те, где власти продолжали держать вожжи натянутыми, и те, где они их немножко отпустили. В первых не изменилось ничего, во вторых произошла не столько либерализация электоральной жизни, сколько выход на первый план межклановых противоречий, особенно очевидный в национальных республиках.

В любом случае, говоря о «партийной реформе» 2012–14 гг., следует заключать это словосочетание в кавычки и трактовать данное мероприятие как очередной маневр правящей бюрократии в долгосрочной стратегии под названием «непредсказуемое изменение процедуры с целью достижения предсказуемого результата».

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2007. Идеологическое структурирование российского партийного спектра в преддверии избирательного цикла 2007–2008 гг. — *Политэкс.* — № 1. — С. 48–64.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2008. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. — *Полис. Политические исследования.* — № 2. — С. 17–29.

Ахременко А.С. 2007. *Структура электорального пространства.* — М.: Социально-политическая мысль. — 320 с.

Грачев М.Н. 1995. Особенности современной российской многопартийности. — *Актуальные проблемы гуманитарных наук. Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию РУДН (секция «Философия, политика, культура»).* — М.: РУДН. — С. 69–71.

Денисов А.А. 1994. *Глазами народного депутата СССР. Вып. 3.* — СПб.: СПбГПУ. — 114 с.

Калинин К.О. 2009. Эволюция идеологических размежеваний в российской партийной системе: 1995–2003. — *Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008.* — М.: РОССПЭН. — С. 155–181.

Коргунюк Ю.Г. 2013. Концепция размежеваний и факторный анализ. — *Полития.* — М. — № 3. — С. 31–51.

Коргунюк Ю.Г. 2010. Модель размежеваний и российские выборы: постановка исследовательской задачи. — *Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009 / Российская ассоциация политической науки: [гл. ред. А.И. Соловьёв].* — М.: РОССПЭН. — С. 334–372.

Коргунюк Ю.Г. 2014. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года. — *Полития.* — М. — № 3 (74). — С. 75–91.

Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. 2012. Структура партийного спектра России. — *Партийная организация и партийная конкуренция в «недодемократических» режимах.* — М.: РАПН, РОССПЭН. — С. 112–132

Толпыгина О.А. 2012. Динамика проблемных измерений в партийной риторике предвыборных кампаний 2007, 2011 гг. — *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра.* — М.: КМК. — С. 32–52.

Budge J., Robertson D., Hearl D. 1987. *Ideology, strategy and party change: Spatial analyses of Post-war election programs in 19 democracies*. — Cambridge: Cambridge univ. press. — 494 p.

Chugrov S. 1997. *Regional Electoral Behaviour and Russian Nationalism*. The Office of Information and Press, Democratic Institutions Fellowship Programme, NATO. Final Report, June. — 58 p. — Mode of access: <http://www.nato.int/acad/fellow/95-97/chugrov.pdf>. — Проверено: 27.10.2018.

Korgunyuik Yu. 2014. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia. — *Perspectives on European Politics and Society*. — Leiden. — Vol. 15. — No. 4. — P. 401–415.

Lijphart A. 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. — New Haven and L.: Yale University Press. — 352 p.

Moreno A. 1999. *Political Cleavages: Issues, Parties, and the Consolidation of Democracy*. — Boulder, CO: Westview Press, 1999. — 205 p.

Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S. 1994. Political Tendencies in Russia Regions — Evidence from the 1993 Parliamentary Elections. — *Slavic Review*. — Pittsburgh. — Vol. 53. — No. 3. — P. 711–732.

Stoll H. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics. A Dissertation Submitted to the Department of Political Science and the Committee on Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy*. — Santa Barbara: University of California. — Mode of access: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf>. — Проверено: 29.10.2018.

Zarycki T. 1999. The New Electoral Geography of Central Europe. — *Research Support Scheme Electronic Library, Open Society Institute, Budapest*. — Mode of access: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001080/01/80.pdf>. — Проверено: 27.10.2018.

Zarycki T., Nowak A. 2000. Hidden Dimensions: the Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland. — *Communist and Post-Communist Studies*. — Oxford. — Vol. 33. — No. 2. — P. 331–354.

Zarycki T. 2002. Four Dimensions of Center-Periphery Conflict in the Polish Electoral Geography. — *Social Change. Adaptation and Resistance*. — Warsaw: Warsaw University — Institute for Social Studies. — P. 19–38.